

18+

Александр Сергиенко

Дорога Адова

Былина

Александр Сергиенко

Дорога Адова. Былина

<https://litres.ru/74465874>

ISBN 9785007125116

Аннотация

«Дорога Адова» — это уникальная в своем роде эпическая поэма, написанная в былинном стиле, где фольклор, мифология, эзотерика и фантастика встроены в динамичную канву повествования. В центре сюжета — главный герой, дерзнувший пойти тайными тропами Дороги Адовой; постигая тайные знания, стяжая власть и могущество, сможет ли он сохранить свою душу?

Дорога Адова Былина

Александр
Александрович Сергиенко

© Александр Александрович Сергиенко, 2026

ISBN 978-5-0071-2511-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Сергиенко

Дорога

Адова

Сколько лет прошло, сколько сгинуло,

Сколько зим ушло, в воду кануло

С той поры, когда боги правили,

Боги правили позабытые.

И пирует люд, Перуна предав,

И ликует люд, смертью жизнь поправ.

И не ищет люд той дорогушки,

И не помнит он тайной тропушки,

*Кто найдет ее, тот умом силен,
А пройдя ее, богом станет он.
А ходили ей люди старые,
Люди древние — наши пращуры.
Называли же всё промеж собой
Ту тропу они Дорогой Адовой.*

**** *

*Как на отшибе, вдаль от города,
На пригорке под ясным солнышком
Простиралась та деревня старая,
Деревня малая, да в десять хат всего.
Жили в хатах тех старики одни,
Лишь остаток лет доживали там.
Молодой певец, да ненашенский
В деревеньку ту раз наведалься,
И одет он был во всё тёмное,
И смотрелся он черным вороном,
И гитару он за плечами нёс,
На шее крест был, да перевёрнутый.
Заходил в избу, хозяйке кланялся,
На икону же украдкой скалился.
И стекался люд с деревеньки всей,
Гостю новому всегда радостный.
Ан узнать чего в мире деется,*

Ан и сам узнать с чем наведался.
Но не молвил гость о земле большой,
О пути своем он умалчивал.
Говорил же он, большие спрашивал
Об отшельнике, о Всеславиче.
Где и как найти старика сего,
Одинокий дом где его сыскать.
Отвечал народ на его слова:
«За горой живет, на поляне он,
В той дубраве, что дурно славится.
Там изба стоит деревянная,
Там душа живёт окаянная.
Перед ним-то люд страхом полнился
В годы древние, в годы давние.
А теперь и смерть заплутавшая
Не боится уже Всеславича.
Не найдёшь икон ты в избе его,
Только идолы деревянные.
Он слывет колдуном да безбожником,
Но коль хворь иль беда приключались,
То к нему за советом бежали.
Но давно уж никем не хожена
Та дорога, что небом проклята.
И не ведаем, али жив еще,
Али нет на свете отшельника».
Посуровел гость, пригорюнился,

Думой мрачною призадумался.
А деды галдят вместе с бабами:
«Ты останься у нас, сын, на ноченьку,
Утро вечера мудреней поди.
Уж и солнышко низко клонится,
И закатом уж небо красное;
Ты почто к отшельнику держишь путь?
Он знаком тебе или родственник?
За советом ли направляешься,
Любопытством ли праздным тешишься?»
Отвечал чужак, да не те слова:
«Хоть и рад у вас эту ночь побыть-
Старика боюсь не застать в живых,
Не знаком он мне и не родственник,
А ведет к нему лишь один вопрос.
Только он помочь мне сумеет в том,
Что лишь мудрость седая ведает».
Говорили тут люди старые:
«Не ходи ты в лес в пору темную,
Ох, недобрый он, не приветливый,
Не найдёшь избу до полуночи —
Пропадать тебе смертью лютою».
Но не стал отступать перед ночью он,
Попрощался с людьми деревенскими,
Удалялся прочь без оглядки в лес.
Ногам — дорога, а старым — поклон.

**** *
**** *
**** *

*Лес стеною встал перед путником,
Полон шорохов был неведомых,
Сквозь корявые ветки ясеней
Свет Луны пробирался на травушку.
С неба звезды глазами волчьими
Наблюдали за темным странником.
Уж давно зашло Солнце красное,
И взошла Луна, да кровавая,
Не найдёт никак путь он проклятый,
Уж отчаяньем сердце полнится.
И стоит сосна вся иссохшая,
Вся иссохшая, да во мхе сыром.
Пригорюнился путник, нахмурился,
Думой мрачною призадумался.
Ведь поодаль он проходил уже —
Словно леший недобро тешится,
В пути ловит в ночи прохожего.
Не прошел он вперед и сажени —
Глядь, на той сосне черти прыгают,
Вот заметили, подошли к нему:
«Уж давно к нам никто не захаживал,
Сторонится леса крещёный люд.
Ты куда бредёшь, человеческий сын?»*

Ты с какой бедой к нам наведался?»
Отвечал певец с дерзновением:
«А ищу старика я Всеславича,
Аль живёт он в лесу отшельником,
Али мёртв уже — то не ведаю.
Ну а вы меня заморочили,
И продолжить путь не даёте мне».
«Не желаем тебе мы гибели,
А помочь тебе постараемся,
Доведем до жилища Всеславича».
И зовут певца, тянут за руки,
И всё глубже в лес пробираются.
Вот к пещере пришли заброшенной,
Стал тут путник зол, не идёт вперёд:
«Не шутите со мной, нечистые,
Да неужто здесь дом Всеславича?»
Черти прыгают, ухмыляются:
«Тот уж мёртв давно, кого ищешь ты,
Унесло зверьё кости белые,
Но в пещере сей его дух живёт,
Его книга там чародейская».
Ну а путник лишь головой мотнул,
Подошёл неспешно к пещере той,
И учуял он злобу древнюю,
Злобу древнюю, позабытую.
Развернулся тут ловким зверем он,

Да на чѣрта он люто кинулся,
Да швырял его в нору темную.
Тут на путника черти бросились,
Но за первым в пещере сгнули.
Задрожит тут холм под деревьями,
И захлопнется пасть чудовища.
Наблюдал певец диво дивное —
Головой живой обращался холм,
Зеленой травой сплошь заросшею;
Как рога на ней сосны крепкие,
И глаза её, злобой полные,
Обратили взор свой на путника,
И кричали черти отчаянно
На зубах ее, да в аришин длиной.
Полилась рекой кровь нечистая,
И смолкали крики предсмертные.
Да и молвил холм, словно гром гремел,
Словно гром гремел, словно зверь рычал:
«Угодил мне, путник, на славу ты,
Всласть рогатыми да попотчевал.
Не пугайся холма ты древнего,
А поведай, с чем в лес пожаловал,
Может статься, я чем помочь смогу».
И без страха ему отвечал певец:
«Не страшны твои зубы острые,
Не пугает взор твой пылающий,

*Старика боюсь не застать в живых,
Не застать в живых да Всеславича.
Про тебя же, холм, всё мне ведомо.
Со времён седых, незапамятных
Поджидали вы бедных странников;
Снёс давно народ ваши головы,
Уж не думал я, что остался кто».
Ухмыльнулся холм злой улыбкою:
«Что сказал ты мне, то всё истинно.
Тьму веков в лесу я недвижимо,
Про отшельника и не слыхивал.
Зверя дикого ты поспрашивай,
Коли смерть ты обманеешь хитростью».
Не терял понапрасну он времени,
И в обратный путь он направился.
Ох, непрост был чужак, да ненашенский,
На шее крест был, да перевернутый.*

*Ой, и долгим казался путь страннику,
Пробирался он через заросли,
Через чащи шел непролазные.
Уж и Солнцу бы время выглянуть,
Но горит Луна в небе полная,
Да сияют всё звезды ясные.*

*Не шумят листвою ветры буйные,
Ни зверья, ни птиц не слышать вокруг.
На полуночи время замерло,
У сосны кривой время сгнуло.
Всё опять же к ней возвращался он,
И взорвался лес смехом дьявольским.
Приуныл певец, сел на травушку,
С наваждением, знать, не справится.
Снял с плеча он гитару звонкую,
А была она, да ему под стать,
Сплошь вся черная, да с рисунками,
Замки древние серебром блестят.
И басовые струны крепкие
Он настраивал, звуки слушая.
Заводил он, да песню грустную,
О любви запел, о загробной он,
О страдании, о безвременном,
О дороге пел во всю жизнь длиной.
Вёл о боли сказ о всеведущей
Ничего не видя вокруг себя.
А dopeвши песнь, в темноту взглянул,
И заметил он средь густой листвы
Точки красные, глаза волчиц,
Глаза волчиц, глаза лютые.
Поднимался тут странник медленно,
Взгляд свой в сторону не сворачивал.*

Но стояли звери оскалившись,
Тут один из них вышел к путнику,
Молвил голосом человеческим:
«По душе мне песнь твоя тихая,
Светлой грусти и боли полная.
Не страшись, певец, волчьей пасти ты,
Дикой своры, что мне послушная.
А ответь же, странник, поведай мне,
Ты с какой бедой бродишь по лесу?»
Отвечал певец зверю серому,
Волчью пастырю в пояс кланялся:
«Человек ты был по рождению,
Но Луна и волк в твою жизнь вошли,
Увели тебя с человеческих троп,
Привели тебя в стаю вольную,
А теперь у них вожакom ты стал,
Ты, людьми всегда проклинаемый.
И что дом родной этот лес тебе,
Укажи ты мне путь к отшельнику,
Уж отчаялся я найти его».
Ровно в душу он зверю лютomу
Заглянул словами правдивыми,
Поднялась к Луне песня волчья,
Угадал певец боль звериную.
Подставлял вожак спину сильную:
«Не найдёшь в ночи ты дороги той,

*Ночью леший здесь злобой тешится,
Только волчий след не запутаешь,
Довезу тебя до Всеславича».*

***** **

*Уж взошла давно Луна полная,
Но не спит отшельник, всё мается.
Третий век уже доживает он,
Но по лесу смерть его рыскает;
Он глядит с крыльца, в ночь темную,
В ночь темную, беспросветную.
Там спешит к нему да торопится
Стая серая, стая хищная.
На спине вожаса человек сидит
И бежать он прочь не пытается,
Словно другу зверю доверился.
И спешит вожак с ношей темною,
Со своей спешит стаей серою,
Прямоком к избе, ко Всеславовой.
Тут узнал колдун волчьего пастыря,
Князя своры лютых охотников
Ночью зверем тот бродит по лесу,
Человеком днем обращается.
Частым гостем был у отшельника,
И лечил старик раны рваные.
Кто же тот храбрец, кто пожаловал?*

Кого звери в ночи не тронули?

***** **

*Уводил вожак стаю хищную
На охоту в лес, да в полуночный,
Подходил певец к дому старому,
К дому старому, деревянному.
А вокруг-то всё были идолы,
Перуна столбы, да Велесовы,
Что народом давно покинуты,
На кресты золотые сменяны.
На пороге ждал старец сгорбленный,
Он в рубахе льняной, заношенной,
Борода его ниже пояса,
Сединой белы его волосы,
Да косицей лыковой стянуты.
И сказал Всеслав тёмну страннику:
«Ой ты гой еси, добрый молодец,
Ты в недобрый час в лес пожаловал.
Коль сыскал меня, заходи в избу,
Да садись на лавку дубовую,
За простой мой стол с белой скатертью».
Угощал его, чаем потчевал,
На лесных на травах настоенным,
Подносил ему мёду дикого,
Мяса заячья запеченого.*

Удивило певца угощение,
Доброта да щедрость хозяина.
Незнакомца кто примет ласково?
Кто доверится неизвестному?
Накормил старик гостя досыта,
Заводил беседу неспешную:
«Кем ты будешь, мой гость полночный,
Не один ли будешь из тех людей,
От Велеса с Перуном отрёкшихся?
Али бардом по свету странствуешь?
Аль владеешь ты силой тёмною,
Раз волков себе взял в помощники?»
Говорил ему путник вежливо:
«Не из тех я буду, Всеславович,
Кто богов своих хоронил в реке,
И не бард, кто по свету странствует,
Не владею я силой темною,
Только песнь моя по душе пришлась,
По душе пришлась князю волчьему.
Есть в крови моей знанье древнее,
Кто учил меня — не поведаю,
Но тоска моё сердце ранила,
Дали имя мне вместо старого,
В честь ушедшего бога славного,
Трижды Мудрым Гермесом звался он.
Долог путь мой был до избы твоей,

*Я тебя не чаял застать в живых,
Ведь твоей лишь старости ведомо,
Где исток у Дороги Адовой».*

*Мудрым вороном посмотрел старик,
Тихим голосом молвил путнику:*
«*Не спешу в могилу я хладную,
Не спешу и ты, добрый молодец,
Ты живи на Земле да на Матушке,
Ты под небом ходи, под Батюшкой,
Не ищи ты Дороги Адовой,
Та Дорога богами хожена,
А ведёт она к трону тёмному
Самого Сатаны — Повелителя.
Кто дойдет до трона великого,
Рядом место тому уготовано.
И среди богов будет равным он,
Тому в пояс миры поклонятся.
Но из сотни едва ли дойдёт один,
Не дойдёт один и из тысячи,
Лишь один дойдёт из тьмы путников.
Прокричат вослед тебе вороны,
И травой могила покроется,
Унесут ветра мессу чёрную,
И развеют прах твой над речкою».*

Отвечал Гермес на его слова:
«*Что опасна Дорога, ведаю.*

Но коль выбрал путь, не сверну уже».
«Так послушай же слово мудрое.
Не ищи тот путь на земле сырой,
Не ищи его ты под волнами,
Чтоб найти его, нужно кровь пролить,
Коей рана ведьмы окрасится.
Принеси ее в жертву демону,
Люциферу, князю бесовскому.
И увидишь ты тропку лунную —
То начало Дороги Адовой.
На нее ступив, не свернуть назад,
Али богом быть, али прахом стать». —
Говорил старик тихим шепотом,
Думой тяжелой призадумался.
«Благодарен я за твои слова,
За советы, да за напутствие.
Не замедлю я в путь отправиться,
Разве песней твой слух попотчую». —
Доставал подругу он струнную,
Да играл Гермес песню грустную,
Песню грустную, песню тихую,
Что отшельнику в душу канула,
Память старую потревожила.
И не знал Гермес песен радостных,
Ох, непрост был чужак, да ненашенский,
На шее крест был да перевёрнутый.

**** *
**** *
**** *

*Выходил певец из дверей резных,
Поглядел на небо полночное,
Там искал певец звезды веющие,
Уходил по ним, да всё в глубь лесов.
Пробирался он через заросли,
Где и зверь ходить не отважится,
Не жалел он ног, не жалел плаща,
И с дороги он не сворачивал.
И увидел он слабый свет в лесу,
Голоса людей ему слышались.
И чем глубже шёл, различал ясней
Речи тихие, да костер вдали.
Подошел к поляне бесшумно он,
Возле дерева стал широкого,
И смотрел из тьмы, как горел огонь,
Колдуны как плясали с ведьмами.
И взлетали искры над пламенем,
И козлы кружили двуногие,
Да вокруг костра черти прыгали.
Все наги они, птицы вольные,
Воздают хвалу Земле — Матушке.
Чаши полные на траве стоят,
Черти в дудки играют звонкие.*

*И к костру тогда выходил певец,
Знаком тайным он всех приветствовал,
Знаком тайным, немногим ведомым.
И тянули ведьмы к себе его,
В хоровод бесовский, да в дикий пляс.
И гитару путник на траву клал,
Танцевал с колдунами да с ведьмами,
Вместе с ними ел мясо сочное,
Воду пил он, да родниковую;
На гитаре чертям подыгрывал.
По обычаю чародейскому
Целовал он хозяйку шабаша,
И, запретною страстью схвачены,
Все в объятья друг другу падали,
Где по паре, а где и по трое.
И смотрела ведьма прекрасная,
Светлолицая, чернобровая
Взором радостным, жаром вспыхнувшим;
Обнимал Гермес ее хрупкий стан,
Целовал ее груди белые,
Уводил ее он с поляны той,
Прислонял спиной к дубу твёрдому.
На колени он перед ней вставал,
И, закрыв глаза, не заметила
Молодая хозяйка шабаша,
Как с земли певец серый камень брал,*

*Камень острый брал, мхом поросший весь.
Быстро на ноги путник вскакивал,
Бил он камнем тем красну девицу,
И без памяти она падала.
Доставал Гермес из плаща свой нож,
С рукоятью, да в виде демона.
Сталью острою, вороненою
Вырезал Гермес путы крепкие
И девицу он ими связывал.
И ломал он ветку рогатую,
Прошептал он слова заветные,
Рисовал он круг, да в свой полный рост.*

*Разбудила ведьму боль острая,
Рот корою был перетянутый.
По груди ее острый нож гулял,
Пентаграмму чертил кровавую,
Древний знак чертил перевёрнутый.
И дрожало-то тело белое,
По щекам текли слезы горькие.
Но впивался нож в горло нежное,
И хлестала кровь, да багровая.
Братство чёрное кровь почуяло,
И бежали все, кто на шабаше
Растерзать, убить гостя тёмного,*

*Отомстить за гибель хозяйюшки.
Но шептал певец слово сильное,
Слово тайное да могучее,
И тряслась земля, содрогалась.
Вызывал Гермес силу древнюю,
Силу древнюю, силу страшную.
И земля раскололась трещиной,
Полилась туда кровь красавицы.
И разверзлась тут бездна адская,
Ведьма падала в преисподнюю,
И слышны были звуки жуткие,
Звуки жуткие, сердце рвущие.
Замерла толпа настороженно,
В разны стороны озирается.
Заклубился дым из расщелины,
И донёсся крик ведьмы гибнущей,
Крик души ее умирающей.
И от вопля того истошного
Разлетелись все птицы спящие
И затихло всё на мгновение,
И казался миг целой вечностью.
И земля на дыбы поднималась,
Вверх корнями дубы попадали,
Без оглядки люди бежали прочь,
И мелькала быстрее молнии
Тень крылатая, тень огромная.*

*И глядел певец, как то там, то тут
Упадет человек растерзанный.
Колдуны все взлетали с ведьмами,
В ранах жутких на землю падали.
Разливалась рекой багровою
Кровь горячая по земле сырой.
И тела на части разорваны
На траве помятой ковром легли.
Быстро стихли их крики смертные,
Только долго казалось страннику,
Будто эхом они всё вторятся.
И стоял в кругу он ни жив, ни мёртв,
Стали волосы его с проседью.
И закрыла полнеба звёздного
Тень крылатая, тень летящая
Люцифера — князя бесовского,
Из безвременья в мир пришедшая.
Разглядеть его не умел Гермес,
Глаз быстрее тот демон двигался.
Но хранил певца круг магический,
Люциферу он был преградой.
Злобно скалилась пасть кровавая,
Сердце жгла ему жадным пламенем:
«Для чего меня потревожил ты?
Или смерть свою захотел призвать,
Иль купца душе своей сумрачной?»*

Отвечал колдун с дрожью в голосе:
«Не ищущ купца для души своей,
Да и смерть моя не в твоих руках.
А ищущ я тропу заветную,
Что зовётся Дорогой Адовой».

Засмеялась тень смехом дьявольским,
У певца в груди сердце замерло.
И взлетел дракон в небо ясное —
Обдало певца мёртвым холодом.
Разглядел он князя бесовского.
Был дракон крылатый темнее тьмы,
Словно туча на небе черная.

И казалось певцу, и чудилось,
Что проткнут рога твердь небесную,
Будто крылья все звезды спрятали.
Вот подул дракон в небо ясное —
Словно стужей зимней повеяло,
Содрогнулись дубы столетние.

И, на землю пав, точно молния,
Вдруг исчез дракон, как и не было.
И взирал Гермес в небо звездное —
Но увидел там лишь молчание.
Выходил из круга с опаской он
И дрожал колдун как осенний лист.
Через трупы он шёл кровавые
И искал на земле израненной

*Он гитару свою отчаянно.
Та, телами мёртвыми скрытая,
Уцелела чудом негаданным.
Не вредили ей трупы ведьмины,
Ветки крепкие не поранили.
Не упала в земную трещину,
Но чехол был весь кровью залитый.
Лишь нагнулся Гермес поднять ее —
Пробежал в траве луч серебряный,
Разливалась тропинка лунная,
То начало Дороги Адовой.
И ступил певец на дорогу ту,
Да с гитарою окровавленной.
Он не зря не пел песен радостных —
Через боль тот путь простирается.*

*Шёл певец по тропинке призрачной,
Через чащи шёл непролазные,
И не видел он неба звездного.
Шёл он по лесу больше ощупью,
Видел он лишь тропинку лунную.
Как из чащи густой он выбрался,
Осветили звезды бескрайний луг.
И смотрел колдун с удивлением*

На холмы да поля с берёзами.
Оглянулся — нет леса тёмного,
А всё тот же луг нескончаемый.
И погасла дорожка лунная,
Лишь трава под ногами мятая.
Огоньки он увидел тотчас же,
Словно звезды синие кружатся,
За собой зовут в ночьку тёмную,
В ночьку тёмную, в путь неведомый.
Хоть не верил он искрам призрачным,
Не сулящим добра прохожему,
На погибель ведущим путника,
Но пошёл за ними решительно,
И дорогою думу думал он —
Обойти б это место недоброе.
Но с холма, поросшего вереском,
Он заметил избы старинные.
Дым из труб стелился над крышами.
Неужели здесь люди селятся?
На Дороге живут на Адовой?
Век-по-веку живут, не ведая,
Где их хаты стоят деревянные?
И спускался певец с пригорочка,
Подходил к избе тихой поступью,
Да стучал в окошко со створками —
Отвечала хата безмолвием.

*Не смотрела в окно хозяйюшка,
Не спешил хозяин приветливый.
Постучал еще, да всё без толку,
И пошёл к избушке соседней он.
Постучал, позвал зычным голосом:
«Будьте здоровы, хозяин с хозяйюшкой,
Отворите дверь добру молодцу,
Да приветьте усталого путника».
Засветились окна лучинами,
И смотрели селяне на странника
Все неласково, недоверчиво.
Мужики выходили с вилами,
С топорами, а кто и с кольями;
Укрывались бабы за ставнями,
Да детишек подальше прятали.
Окружали гостя незваного
Мужики да с кольями острыми,
Подходил к Гермесу старейшина
В стародавней рубахе вышитой,
Говорил певцу он нахмурившись:
«Отвечай нам, странник неведомый,
Из какого ты роду-племени,
Не колдун ли злой, не упырь ли ты?
Кроме нас людей мы не видели,
Разве нечисть мороком тешитя».
Отвечал Гермес, в пояс кланялся:*

*«Не греши, отец, против истины,
Одного ведь мы роду-племени,
Как и в вас, во мне человечья кровь.
Опустите вы колья острые,
Да скажите мне, мирну страннику,
Чьею волей сюда заброшены,
В месте этом страшном поселены?»
Удивленно глянул старейшина,
Топоры опустились с кольями:
«Не забыли, знать, люди добрые
Сей тропы, веками нехоженной,
Лишь следы отцов наших помнящей,
Кто вперед пройти не осмелились.
Вот живём мы здесь, да с тех самых пор,
Нет возврата с тропы неведомой».
«То, на что отцы не отважились,
Может статья, у нас получится? —
Говорил Гермес с дерзновением, —
Если вместе мы в путь отправимся?»
Но старик седой отвечал ему:
«Глуп и молод ты, гость непрошенный,
И о чём говоришь — не ведаешь.
Впереди течёт речка черная,
Не найти ни моста, ни отмели,
Только омуты ненасытные.
Коль сыскать себе хочешь гибели,*

То помочь тебе постараемся».
Топоры позабывши с вилами,
Мужики на певца накинулись,
Стали бить его, да безжалостно,
Повалили на землю влажную
И пинали едва не до смерти.
А певец, себя не жалеючи,
Укрывал гитару родимую,
Уберёг ее от мужицких ног.
Обессилев, его мучители
Разошлись по домам и бросили
На дороге Гермеса корчиться
И от боли стонать без отклика.
Но, собравши в кулак всё мужество,
Он подняться сумел без помощи,
Сел на траву раны подсчитывать,
Встал он на ноги с взором пламенным,
С думой мрачною да недоброю.
Взял он с крыши пучок соломенный,
И поджжёт его он решительно,
По деревне прошелся спящей он,
Щедро крыши огнем одаривал.
И завился дымок над избами,
Загорелась солома свежая.
Поспешил Гермес от деревни прочь,
Огонькам коварным он следовал,

Что плясали во тьме без устали.
Позади себя слышал вопли он,
Чуял едкий дым удушающий,
И погоню он слышал ярую—
Не дома тушить люди кинулись,
А вдогонку злодею тёмному,
Тот как тень бежал к лесу хвойному,
К лесу хвойному, к речке проклятой.
Огоньков они не заметили —
Ярость дикая взор им застила.
Над равниной, да перед речкою
Огоньки плясали полночные;
Не спешил певец на равнину ту,
Схоронился в еловых зарослях,
И толпа его не заметила,
К огонькам выбегала призрачным.
И раздался рык зверя лютого,
Зверя дивного, да о двух ногах.
Человек или волк — неведомо,
Ростом был он почти в две сажени,
И глаза горят адским пламенем,
Только взор его человеческий.
К людям шёл он тяжёлой поступью,
В пасти зубы сверкали острые.
Вот крестьянин навстречу кинулся,
Топором тяжёлым размахивал,

*С диким рёвом тут зверь набросился
И наотмашь ударил лапою.
Залилась земля кровью алою,
Голова слетела, да с плеч долой.
На толпу людей зверь накиннулся,
Точно ветки крестьян раскидывал,
Наземь падали они мёртвыми.
Тут из ельника стая дикая
Выбегала, людей почуявши.
Налились глаза лавой огненной,
Только взгляд их был человеческий.
За людьми кидалась бегущими
Вурдалаков свора голодная.
И смотрел Гермес из укрытия,
Как терзали плоть звери лютые,
Убивали его обидчиков.
Тишина повисла недобрая
Над равниной, покрытой трупами.
Побросавши крестьян растерзанных,
Убегали звери испуганно.
Удивлённо певец им во след глядел;
Тут с реки повеяло холодом,
Забурлила вода стоячая,
Поднялась со дна пасть чудовища,
И на трупы волной обрушилась,
Потащила их в недра чёрные.*

*Не напрасно стращал старейшина —
Смертью речка питалась адская.
Выходил певец из укрытия,
Приносил тела ближе к берегу,
И смотрел, как речка голодная
Поглощала их пастью жадною.
Замирала река, насытившись,
Крепким льдом покрывалась медленно.
И по льду тому, словно по мосту
Перешёл Гермес реку чёрную,
Видел он сквозь лед трупы жуткие.
Ой, страшна была месть, безжалостна
Беспощадного злого странника.
Над рекой огоньки развеялись —
Вот куда вели они путника.*

*Невредим сошел путник на берег,
Собирал в охапку он хвоста,
Разводил костер в предрассветной мгле,
Доставал гитару он бережно,
Тихим голосом песню грустную
Пел Гермес о мечте растерзанной,
О суровых пел испытаниях,
О любви, что никем не понята,*

*О надежде пел умирающей.
И русалочка белой лебедью
Приходила на песню дивную,
И от пламени словно звездочки
На щеках ее слезы чистые.
И бела ее кожа нежная,
Зелены ее косы длинные,
Тонок стан под одеждой лунною;
Целовала певца русалочка,
Обнимал Гермес ее ласково.
Мёдом диким, речною тиною
От русалочки юной веяло.
Словно пламя меж ними вспыхнуло,
И рассвет они не заметили.*

****** ***

*Полный сил на дорогу дальнюю
Просыпался певец на травушке.
Уж давно взошло Солнце красное,
Заливая луг светом радостным.
Вешал путник гитару на спину,
Чёрной тенью ходил он по лугу.
Ручеек искал под пригорками,
Умывался водой хрустальной,
Вспоминая уста русалочки.*

Струны тайные та затронула,
Разбудила тоску дремавшую.
Отогнавши прочь мысли мрачные,
О пути Гермес призадумался:
Чем-то встретит Дорога Адова,
Что еще ему уготовано?
По лугам он шел зацветавшим,
Собирал колдун травы редкие,
Корешки срезал он душистые,
И сбивал камнями двух воронов.
Одного оставил до времени,
На костре второго зажаривал.
Мясо птичье его насытило
Перед тяжелой дорогой дальнейю.
Забирался на холм высокий он,
И срезал он сук острым лезвием,
Да чертил им круг ограждающий,
Кровью ворона пробуждал его,
И шептал заклятие древнее.
И на зов его, в небо канувший,
Появился демон безрадостный,
Крылья черные с перепонками
За спиною его расправились.
Говорил Гермес гостю званому:
«Проясни ты моё неведение.
День и ночь уж иду без малого,

*По дороге к престолу темному.
Но похоже, что не коснулся я
И стопою миров неведомых.
Такова ль Дорога та Адова?
Не чужим ли путём я странствую?»*
Демон молвил печальным голосом,
Отвечал на его сомнение:
«У истока Дороги Адовой
Мир простёрся никем не принятый,
Ты иди путём, как указано,
Никуда с него не сворачивай,
И увидишь мир неизведанный,
Что у края веера тёмного.
Но не просто будет для смертного
Перейти границу незримую».
«Что же будет моим препятствием?» —
Твёрдо спрашивал странник демона.
«Может нечисть тебе там встретиться,
О которой ты и не слыхивал, —
Говорил равнодушно страннику
Демон тёмный с крылами острыми, —
На которую дух откликнется
Страхом давним, постыдным ужасом.
Не беги сего испытания,
Легче путь ты себе не сделаешь,
А собьёшься с Дороги Адовой,

*Заплутаешь в своих сомнениях.
Встретишь там упыря голодного,
Кровь его раздобудь и пепел ты,
Так же кровь болотника жидкую,
Его руку добудь с перепонками;
Кровь русалки, что пахнет тиною,
Ее локон зеленый шелковый.
Коль сумеешь добыть, откроется
Продолженье Дороги Адовой». —
Угасало слово последнее,
Исчезал в дыму демон сумрачный.
А Гермес, не теряя времени,
Вниз спустился с холма высокого,
Обходил всё вокруг, осматривал,
Видел рощи вблизи и поодаль,
И луга он видел цветущие,
В небе синем кружили вороны,
А по веткам сновали белочки,
А в траве хоронились ягоды.
Но не видел странник отличия
От земного мира привычного.
Лишь трава веками не хожена,
Позабыта тропинка лунная
С той поры, как прочь от спасения
Люди к церкви стопы направили,
За Христовы слова за мудрые*

Люцифера приняв писание.
Но вдали, за рощей березовой,
Замечал он кладбище старое.
Что за люди там похоронены?
Кто тела их в землю закапывал?
Обошёл он погост заброшенный,
Заприметил осину стройную,
Он из веток ее податливых
Амулет себе сплёл магический,
Завязал своё слово крепкое
Он корою юного деревца.
Очертил он круг ограждающий
И костер он развел из хвороста.
Родниковой водой серебряной
Он напился, прилёг на травушку
Под березкой, к земле склонившейся.
Всё смотрел на закат пылающий,
На гитаре ему подыгрывал...

...Под корнями ясеня белого
Он оставил пергамент с вызовом,
Молока парного коровьего
Рядом ставил он чашу полную,
Прикрывал ароматным хлебушком —
В дар тому, кто возьмёт послание.

Уходил домой без оглядки он,
Перед сном в изголовье складывал
Знаки силы, что были присланы:
От Огня — кинжал крепко скованный,
От Воды — ракушка шумящая,
От Земли — причудливый камушек,
А от Ветра — посох из ясеня.
Забывался сном неглубоким он,
Всё — то виделось ему, чудилось:
Всколыхнулся лес засыпающий,
Заходили кругами ровными
Тополя и березы старые.
И на мхе сыром, мягкой поступью
Оставались следы незримого,
Чья рука коснулась пергамента,
Унесла дары в глубь подземную.
Круг зажёгся в траве очерченный
Синеватым дрожащим пламенем.
Только небо зарёй окрасилось,
Выходил Гермес в одиночестве,
Становился ждать, как условлено
У оврага, у края рощицы.
Стихло всё тишиной недоброю,
Он стоял, смотрел настороженно.
Мышцы ныли от нетерпения,
Но усилием он их сдерживал —

*Даст погоня им наработаться,
Утомит Охота их Дикая.
Влагой в спину ему повеяло —
Глядь, водой болотной нечистою
Весь овраг до краёв заполнился.
Липкий страх змеей ядовитою
Выползал и гнал его к рощице,
С ног сбивал его ветер яростный,
Ветки кожу ему царапали,
Словно волки кусты ощерились,
Не пустить, задержать пытаются;
Родники бездонными реками
Разлились под ногами быстрыми,
Не надеясь найти и отмели,
Он шагал в их воды бегущие —
Как туман они были призрачны.
И касались пальцы бесплотные
Ног его, по камням ступающим.
Вновь бежал по траве колючей он,
Ветер в грудь его бил безжалостно,
Не пускал он к кругу заветному.
И огонь стал брату помощником,
Пробежал он змейкою алою —
Затрещали сухие веточки,
Поднималась стена горячая.
Но, лицо защитив одеждою,*

Он прошёл сквозь стену смертельную,
Невредимым вышел из пламени.
Голосами тут лес наполнился —
Словно матушка позвала его,
Иль отец окликнул по имени,
Или та, кто во сне является...
За листвою уже круг виднеется,
Позади — голоса зовущие,
За спиной — голоса любимые.
Сердце к ним рванулось неистово,
Ноги шли тяжело и нехотя.
Шаг, еще, до круга заветного,
Через боль, через страх панический,
Через память, мечту и преданность
Пал он кругу в объятья синему,
Голоса утихли манящие.
Замер лес, внимал победителю.
Стал Гермес ростом выше ясеня,
Голос барда, что эхом вторился,
Возвестил свою власть торжественно
Над Огнём, кто сжигает холодом,
Над Землёй, кто хранит сокровища,
Над Водой, кто памятью полнится
И над Ветром, кто ищет мудрости.
И стихии склонили головы,
Покорились барду бесстрашному...

*Он проснулся вблизи полуночи,
Тёплый дождь сквозь ветки накрапывал,
По щекам слезами солёными
Капли в траву стекали медленно.
Дождь, душе его братец названный,
Щедро силой его одаривал.
Что шептал ему мягким шепотом —
Одному лишь Гермесу ведомо.
И, гитару в чехол заправивши,
Долго он глядел в небо серое,
Как в глаза невесте возлюбленной,
И ловил он ладонью капельки
Словно ласки ее желанные.
А из речки, в туман одевшейся,
Выходили к нему русалочки
Три сестры с волосами длинными,
Три Луны, что в одну сливаются.
Обратилась к страннику младшая:
«Не забыл ли меня любимый мой?»
Отвечал Гермес той русалочке:
«Если вырвут сердце ретивое,
Если срубят голову буйную,
Хлынет кровь моя проливным дождём,*

Лишь тогда о тебе забуду я,
Дева юная, лебедь белая».
Погрустнели глаза русалочки.
Не о том вопрошала странника,
И не те слова она слышала.
Не забыл он про ночь недавнюю,
Но забыл свой дом, свою родину.
Как не зрят корней ветви юные,
Как не помнит древа опавший лист.
Растворились тут две русалочки,
Исчезали в тумане призрачном.
Всколыхнулись вербы спящие,
Ветер воду погладил ласково.
Говорила Гермесу младшая,
В лёгком танце неуловимая:
«Не боишься ты зверя лютого,
Не бежишь от врага заклятого,
Над своими страхами властвуешь.
Но того ты, певец, не ведаешь,
Что глядишь в глаза тёмной пропасти
И страшишься взгляда ответного.
Зоркий взгляд твой быстрее сокола,
Острый слух твой что зверя хищного,
Лучше волка ты чуешь запахи,
Но не видишь ты тень ползущую,
Но не слышишь ты злого шёпота

*И не чуешь беды негаданной.
Тот, кому ты ведьму пожертвовал,
По пятам твоим всюду следует.
Он хранит свою злобу древнюю,
Копит яд до поры до времени».*

***** **

*За пуховую нить принималася
Мастерица-Заря ясноокая,
Вышивала узором затейливым,
Полотном устилала да Солнцу путь.
По сырой траве против солнышка,
На погост на старый заброшенный,
На заросший да небом проклятый,
Где кресты покосились дряхлые,
Провалились могилы древние,
Шёл певец шагами широкими,
Чуя тени голодной нечисти.
И трава стоит — не шелохнется,
И молчат грачи, да на тополях.
Только ветер дикий неиствует,
Крутит кругом верхушки голые.
Доставал Гермес кол осиновый,
И вбивал в могилу решительно,
Рисовал ножом он заклятия,*

Знаки древние, да могучие.
И ломал ногой он безжалостно,
Все кресты валил он трухлявые.
И с погоста того он мрачного
Убегал к болоту стремительно,
Чтоб добыть, что демон советовал;
Отыскать он спешил хозяина
В том болоте, заросшем тиною,
В той трясине, добычи жаждущей.
Воздух влагой гнилой заполнился,
И застыл певец в удивлении:
Он увидел не кочки редкие,
Увидал он кусты шиповника.
Не камыш, под ветром склонившийся,
А поляну, цветами полную.
Не лягушек услышал кваканье,
А синичек он пенье звонкое.
Издали манила приветливо
Вся вьюнком избушка заросшая,
И дышала покоем ласковым,
И сулила приют прохожему.
По поляне той прямо к страннику
Шёл старик босой благообразный.
Подойдя, певца брал он за руку,
Зазывал к себе гостя редкого,
Чаровал беседою тихою:

*«Ой ты гой еси, добрый молодец,
Знать устал в пути ты, намаялся,
Ты зайди в мою хату тёплую,
На перину ты ляг пуховую,
Угостись ты яствами щедрыми,
Выпей чарку ты зелена вина».
Но не слушал речей заманчивых,
Не спешил принять приглашение,
А достал колдун сталь холодную,
Сталь холодную, вороненую.
О защите просил он пращуров,
Призывал он предков в помощники.
Тотчас чары пред ним развеялись:
Исчезали кусты шиповника,
В кочки мишистые превращались.
Увядали цветы лазоревы,
Камышом они обращались.
Утихало синичек пение,
Только громко лягушки квакали.
А старик, хозяин приветливый,
Стал болотным царём уродливым.
Уж не скрыть ему кожу жабию,
Не укрыть сединою ложною
Грязной тины болотной локоны.
Борода растекалась ряскою,
А рука его с перепонками*

Потянула певца к гибели,
Повлекла в своё царство мрачное,
Прочь тянула со света белого.
Но ударил певец в отчаяньи
По руке с перепонкой жабией
Воронёною сталью острою —
Кровь зелёная ливнем хлынула.
Во второй раз ударил с силою
По руке с перепонкой жабией
Воронёною сталью острою —
Мышцы крепкие разрывались.
А во третий раз бил со злобою
По руке с перепонкой жабией
Сталью острою, воронёною —
И порушились кости твёрдые.
Погружался болотник медленно,
Исчезал в пучине вздыхающей.
Отвернулся путник от нечисти,
Лишь с добычей уйти намерился,
Как схватил старик его за ногу,
Да рванул на дно его с силою.
Вот вонзился нож в чрево жабие —
До колен захватило путника.
Вот вонзился нож в горло толстое —
Затянуло Гермеса по пояс.
Вот вонзился нож в сердце злобное —

*Отпустило болото пленника.
Невредим певец вышел на берег,
Шёл он прочь с добычею трудною,
Оставляя трясины мёртвую.
Ох, непрост был чужак, да ненашенский,
На шее крест был, да перевёрнутый.*

***** **

*Вот пришёл Гермес на поляночку,
Кони Хорса умчались к западу.
Очертил он круг ограждающий,
Для костров положил он хвороста,
Зажигал он кремнем живой огонь.
А на небе-то на темнеющем,
Месяц бледный, да кверху рожками,
Солнце нечисти просыпалось,
Из могил поднимало брошенных,
Из гробов поманило умерших.
Пред собою глядя невидяще,
Приближались к певцу покойники,
Как один брели они к страннику,
Чуя кровь живую, горячую.
Тут костры ярким жаром вспыхнули-
То Огонь поспешил на выручку,
Защитить торопился путника,*

*Уберечь от нечисти жаждущей.
Заплясали костры неистово,
Заметались драконы алые.
Вот запел колдун заклинание,
Ровным голосом, сердцем пламенным — Отрывались
драконы алые*

*От костра, плясавшего яростно,
Настигали они покойников,
Мертвяков осыпали искрами.
Словно факелы трупы вспыхнули,
Занялась огнём плоть истлевшая
И зловонным тленом повеяло.
Всех спалили драконы алые,
Одного лишь они не тронули,
А толкали в круг ограждающий,
К колдуну, заклинанье певшему —
Слово тайное духу пламени.
Как схватил, да рукою сильною
Мертвяка певец разъярённого,
Как ударил оземь гнилую плоть,
Да вонзил он в грудь сталь холодную,
Да собрал в сосуд кровь тягучую,
Тело мёртвое тут же вспыхнуло,
Пеплом серым лежать осталось —
Собирал колдун его тщательно,
Да в мешок заплочный укладывал.*

Угасало пламя, насытившись,
Остывали угли горячие.
А Гермес спешил к тёмной реченьке,
К тихой заводи, к ивам плачущим.
Только месяц был ему спутником,
Только совы след его видели.
Обнажал певец тело белое,
Заходил певец в воду спящую,
Набирался сил исцеляющих,
На душе он раны залечивал.
Подплывала к нему русалочка,
В темноте ночной неприметная:
«Ты почто пришёл ночью тёмною,
Потревожил воду дремавшую?
Отчего тоской глаза полные?
Аль беда с тобой приключилась,
Али сердце чувствует неладное,
Или грусть-печаль в душу канула,
Иль не рад ты встрече нежданной?»
Отвечал певец тихим голосом:
«Не беда со мной приключилась,
И не чувствует сердце неладного,
И не грусть-печаль в душу канула,
А не рад я встрече нежданной,
Не тебя в ночи ждал увидеть я.
Дорогую же цену требует

Продолженъе Дороги Адовой».
«Не кручинься ты, друг мой ласковый, —
Прошептала ему русалочка, —
Посидим с тобой мы на травушке,
Ты мне песнь споёшь на прощание,
Я венок сплету лазоревый
И тебе надену на голову,
Чтобы ты не забыл русалочку,
Чтобы память хранил о девице».
И вдвоём они вышли на берег,
Заиграл Гермес песню грустную,
Он прощался навек с любимой,
Он судьбу оплакивал горькую.
И шептала ему русалочка,
Надевая венок лазоревый:
«Смерть несёт не злодей безжалостный,
И не враг задумал погибель мне,
Кто забрал моё сердце девичье,
Заберёт и жизнь мою краткую...»
И окрасилось тело нежное
Тут горячею кровью красною —
То вонзилась сталь воронёная
В сердце девичье, в сердце чистое.
На руках у друга любимого
Умирала русалка юная,
Наземь падал венок лазоревый,

Кровью алой цветы окрасились.

***** **

*Положил русалочку мертвую
Путник на траву, на багряную,
Срезал локон ее он шёлковый,
Кровь ее смешал с упыриною
И с зеленой кровью болотника,
Из руки его с перепонками.
Занялась кровь синим пламенем,
И могучие знаки тайные
Рисовал он на теле девичьем,
Алтарем он сделал русалочку
Продолженью Дороги Адовой.
Пробуждал он знаки могучие,
Имена пропел он их тайные.
Небо тьмой закрылось рассветное,
Налетели-то тучи тёмные,
Разорвали тьму светом молнии.
Громы грозные сверху грянули —
Ржанье конское им откликнулось,
Тьма коня выпускала сильного,
Звезды стали ему подковами,
Хвост и грива — что крылья ворона,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.